
Даниил Жайворонок

ИНТЕРВЕНЦИЯ ВИКТОРИАНСКИХ ФЕМИНИСТОК В СФЕРУ КОММЕРЧЕСКОГО СЕКСА В СЕРЕДИНЕ XIX– НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Статья предлагает обзор современных исследований политической и дискурсивной интервенции британских феминисток «первой волны» в сферу регулирования коммерческого секса. Показано, что у современных исследовательниц и исследователей есть основания считать, что борьба с государственной регуляцией коммерческого секса оказала значительное влияние на развитие феминистского проекта. В частности, проблематизация коммерческого секса помогла мобилизации новых сторонниц и сторонников, а также предоставила возможность для выражения и легитимации некоторых целей феминистского движения, напрямую несвязанных с «проституцией» (право голоса, переосмысление роли женщин в публичной сфере, борьба с двойным «половым» стандартом). В то же время викторианские феминистские дискурсы о коммерческом сексе имели ряд негативных для движения эффектов. Коммерческий секс продолжал рассматриваться как греховный и ненормальный (в противопоставление браку), а занимающиеся им женщины оставались исключенными из процесса дискурсивного производства и принятия политических решений. Соответственно, вместо легализации в Британии (а затем и в других странах) были приняты законы, криминализирующие коммерческий секс, что только усилило контроль над сексуальностью женщин из рабочего класса. Таким образом, анализ современных исследований позволяет рассматривать феминистскую политику в отношении коммерческого секса как историко-политический ассамбляж, возникающий и развивающийся на пересечении разных сил, желаний и дискурсов, взаимодействие с которыми делает возможным создание новых форм высказываний и действий как по поводу коммерческого секса, так и по другим феминистским проб-

Даниил Владимирович Жайворонок – магистр, Европейский Университет в Санкт-Петербурге, независимый исследователь, Новочеркасск, Россия. Электронная почта: dzhajvoronok@eu.spb.ru

лемам. Вместе с тем видны ограничения раннего феминистского проекта, в частности воспроизводство классовых иерархий и стигматизации женщин, занимающихся коммерческим сексом. В результате получается более сложная и многосторонняя картина «первой волны», в которой сопротивление властным отношениям и их воспроизводство переплетаются, создавая одновременно новые возможности для свободы и новые формы исключения.

Ключевые слова: феминизм, коммерческий секс, семья, класс, аболиционизм, колониализм

DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-1-37-52

Многие современные исследования «первой волны» феминизма направлены на ревизию и критическое переосмысление истории феминистского движения, его значения и роли дискуссий вокруг коммерческого секса. Ряд исследовательниц рассматривают феминистские кампании против государственной регуляции борделей в Британии как важнейшую точку сборки раннего феминистского проекта, служившую для привлечения общественного внимания и новых сторонниц, а также для выражения основных феминистских идей: право голоса для женщин, критика мужских привилегий, необходимость формирования международных коалиций (Summers 2006; De Vries 2008; Mort 2000). Вместе с тем как будет показано далее, современные исследования выявляют амбивалентность истории раннего феминистского проекта. Бросая вызов патриархатному статусу-кво и стремясь к эгалитарным отношениям, викторианский феминизм зачастую задействовал и воспроизводил другие формы неравенства и исключения, основанные на буржуазной концепции семьи и гендерных ролей и связанные с классовой и расовой стратификацией общества. Вслед за Стивеном Леггом (Legg 2010) такой подход к феминистской истории можно назвать антиностальгическим, то есть отказывающимся от героизации прошлого и артикулирующим неоднозначность феминистского наследия.

Цель моего анализа – на основе «дифракционного» (Haraway 1992: 299–300) прочтения антропологических, исторических, социологических и философских исследований обозначить роль дискуссий по поводу коммерческого секса и занимающихся им женщин в развитии феминистского движения в Британии в середине XIX – начале XX вв. Как указывает ряд исследовательниц (Doezema 1999; Svanström 2005), именно в это время сформированы те ключевые концепции и метафоры, которые продолжают влиять не только на феминистское понимание коммерческого секса, но и на современную политику в отношении коммерческого секса в целом. Таким образом, внимание к сложной исторической динамике отношения феминизма к коммерческому сексу необходимо для понимания текущих дебатов в этой сфере (см., Kondakov, Zhaivoronok 2018; Жайворонок 2018).

Статья организована следующим образом: в первой части рассматривается современная литература, посвященная конструированию образа «падших женщин» в публичном дискурсе Британии в начале XIX в. Во второй – усилия викторианских феминисток по модификации статуса занимающихся коммерческим сексом женщин с «опасных» на «жертв», показано, что в своем подходе к коммерческому сексу британские феминистки второй половины XIX в. сочетали прогрессивные идеи равенства полов с приверженностью к семейным ценностям. В заключительном третьем параграфе рассмотрен дискурс о «белом рабстве», который в начале XX в. закрепил образ «жертвы» на транснациональном уровне, одновременно легитимировав введение более репрессивных законов по отношению к женщинам, занимающимся коммерческим сексом.

Угроза семье и империи: конструирование «опасной» идентичности проститутки

В современных исследованиях, вопреки расхожим стереотипам о «самой древней профессии», именно Новое время, период в котором происходит становление национального государства, дисциплинарных техник контроля и новых форм субъективации, является точкой отсчета для анализа коммерческого секса не только как диффузной практики, но и как довольно стабильной формы коллективной идентичности, маркирующей определенный субъект (De Vries 2001; Ogborn 1993; Walkowitz 1980). В Британии коллективная идентичность занимающихся коммерческим сексом женщин сформирована в начале XIX в. как следствие процессов индустриализации, урбанизации и повышенного внимания государства и его аппаратов контроля к представительницам рабочего класса (Walkowitz 1982). Причем эта коллективная идентичность создана не «снизу», а скорее, спущена «сверху»: через медицинские и социальные исследования, литературные описания и законодательные акты, в которых занимающиеся коммерческим сексом женщины из рабочего класса рассматривались в качестве опасных, угрожающих моральным устоям общества, здоровью нации, ее военной мощи и, следовательно, самой империи (Mort 2000: 59; Corbin 1986). Ключевую роль в конструировании именно такого образа играла связь, установленная в трудах медицинских и социальных экспертов, между коммерческим сексом и венерическими заболеваниями (Mort 2000; Smith 1971). На символическом уровне коммерческий секс сам по себе репрезентировался как заболевание тела британской нации, ведущее, в том числе, к расовой и моральной дегенерации. Поэтому торговля сексуальными услугами стала важным объектом публичных дискуссий и законодательного регулирования.

В Британии с 1864 по 1869 гг. принята серия законодательных актов, направленных на регуляцию деятельности борделей, *Contagious Disease*

Acts (CDA), которые Франк Морт называет «наиболее важной законодательной интервенцией в сферу сексуальности за весь XIX век» (Mort 2000: 53). Эти законы, которые многие исследователи считают адаптацией регуляционистской модели, разработанной в начале XIX в. во Франции (см., Corbin 1986), устанавливали порядок регистрации и лицензирования для женщин, занимающихся коммерческим сексом на расположенных вблизи военных баз территориях. Зарегистрированные женщины должны были пройти обязательные медицинские проверки и, в случае обнаружения венерических заболеваний, подвергались принудительному лечению (Summers 1999: 2–3). При этом мужчины-клиенты оставались вне фокуса *CDA*.

В большинстве исследований такая гендерная диспропорциональность законодательных актов трактуется как следствие господствовавшего в то время представления, согласно которому мужская и женская сексуальности фундаментально различны. Согласно этой концепции, мужское желание определялось как инстинкт, «мгновенно возбуждаемый и требующий постоянного удовлетворения» (Mort 2000: 65). Поэтому внебрачные сексуальные связи для мужчин считались естественными и не требующими дополнительного внимания. Нормальная женская сексуальность представлялась, наоборот, как пассивная и ограниченная рамками семьи и деторождения, направляемая не принципом удовольствия, а материнским инстинктом (Schwartz 2010: 784). Поэтому женская сексуальная активность, выходящая, как в случае с коммерческим сексом, за пределы брака, рассматривалась как девиантная и проблематичная, а потому нуждающаяся в дополнительном контроле со стороны государства (Mort 2000: 61).

Однако для понимания *CDA* важно учитывать не только гендерные отношения, но и классовые. Большинство женщин, занимавшихся оказанием секс-услуг, были представительницами рабочего класса. В рабочей среде в Британии первой половины XIX в. коммерческий секс рассматривался как рядовое явление, и занимающиеся им женщины как правило не сталкивались с маргинализацией или отчуждением от сообщества (Walkowitz 1980). Коммерческий секс был проблематичен именно с точки зрения доминирующей буржуазной идеологии, согласно которой роль женщины, и тем более ее сексуальность, строго ограничены рамками приватной сферы (Agustin 2005). Таким образом, *CDA* призваны контролировать не женскую сексуальность как таковую, но именно сексуальность женщин из рабочего класса. Более того, *CDA* служили для установления и воспроизводства моральных иерархий и границ между женщинами разных классов: благородные леди из среднего и высшего классов (именно к ним принадлежало большинство викторианских феминисток) рассматривались как представительницы правильной, нормативной женственности, в то время как тела и сексуальность пролетарок конструировались как опасные и нуждающиеся в контроле.

Феминистский протест против CDA

В 1869 г. учреждена *Ladies National Association for the Repeal of the Contagious Diseases Acts* (LNA, Национальный женский союз за отмену CDA). Одна из основательниц этой организации – Джозефина Батлер – к концу века станет одной из самых влиятельных феминисток своего времени не только в Британии, но и во всем мире (De Vries 2010; Summers 2006). В 1870 г. от лица LNA в *Daily News* опубликована статья-манифест *Women's Protest* («Женский протест»), содержащая восемь пунктов критики в отношении CDA, а среди тех, кто публично поддержал публикацию – Флоренс Найтингейл, Гарриет Мартино, Мэри Карпентер и другие известные женщины того времени. В викторианский период политика представлялась как исключительно мужское дело. Появление женщин в этом пространстве расценивалось как скандал, нарушение общественного порядка и проявление упадка нравов (Burton 1990; Eltis 2013). Поэтому для развития собственного проекта Батлер и остальным было необходимо найти такую позицию, которая позволила бы их голосам стать услышанными и признанными.

Феминистское движение нашло довольно успешную стратегию легитимации своей борьбы против CDA. Она строилась на описании мужской политики как неизбежно коррумпированной, основанной на насилии и жестокости, свойственных мужской природе. В качестве антидота агрессивной и разрушительной политике мужчин феминистки рассматривали техники власти и управления, основанные на качествах и ценностях, которыми сам гегемонный дискурс наделял женщин: заботе, миролюбии, любви, сострадании (Van Drenth, De Naan 2000). Другими словами, феминистки первой волны для критики патриархатного дискурса использовали сам этот дискурс, точнее те его элементы, которые определяли роль и функции женщин в обществе. Но если в господствующем буржуазном представлении позитивные коннотации образов матери, кормилицы, воспитательницы были ограничены исключительно приватной сферой, то феминистки использовали их, чтобы оправдать и доказать пользу от участия женщин в публичных делах и раскритиковать патриархатные установки, в том числе в сфере коммерческого секса (см., Agustin 2005; Burton 1994; Walkowitz 1982).

Если медицинский и юридический дискурсы видели в фигуре проститутки только источник общественной опасности, то Батлер и ее соратницы интерпретировали ее как жертву тяжелых жизненных обстоятельств. Более того, – и важнее прочего – они также представляли ее как жертву обмана, насилия, мужской распущенности и двойных стандартов в области сексуальности. Согласно уже упомянутому манифесту, CDA были несправедливы, так как «наказывали тот пол, который является жертвой порока, и оставляет безнаказанным тот пол, который является основной причиной как самого порока, так и его ужасных последствий», где под «пороком» понимается

«проституция» (Butler 1910: 9). То есть, по мнению Батлер и других аболиционисток¹, именно присущая мужчинам сексуальная распущенность являлась основной причиной существования «порочной» торговли сексуальными услугами. Для борьбы с этим «грехом» необходимо было задействовать женское сострадание по отношению к жертвам (занимающимся коммерческим сексом) и женскую сексуальную сдержанность как назидательный пример распущенным мужчинам (см., Agustin 2005).

Таким образом, в феминистском дискурсе ответственность за существование коммерческого секса переносилась с фигуры «падшей женщины» на клиента-мужчину. Соответственно, вина за воображаемые и реальные негативные эффекты проституции также возложена на него (см., Pankhurst 1913). Но, поменяв статус занимающихся коммерческим сексом женщин с «опасности» на «жертву», феминистский дискурс продолжал воспроизводить представления о семье как о нормативной форме организации сексуальных отношений, рассматривая вне-семейные проявления сексуальности, в том числе коммерческий секс, как грех или девиацию. Как показывает в своем исследовании Лора Шварц, викторианские феминистки, отказывавшиеся, например, от цитирования считающейся одной из основательниц современного западного феминизма Мэри Уолстонкрафт в связи с ее внебрачными связями и исключавшие из движения тех, кто не вписывался в установленные этические рамки (Schwartz 2010: 776, 787), рассматривали моральную чистоту как одно из важнейших женских качеств (противопоставленную мужской распущенности) и главных ценностей своего движения.

Другим объектом критики аболиционистского движения был экспертный медицинский дискурс, который, как уже отмечалось, составлял основу *CDA*. Одна из главных его особенностей – оставлять за скобками вопросы религии и морали, а точнее подчинять их научной рациональности (Mort 2000; Smith 1971), таким образом представляя собой секулярный тип политики. Однако указание на двойные стандарты в отношении женщин и мужчин помогло аболиционисткам поставить под сомнение объективность и непредвзятость медицинских экспертов и осуществить успешную критику научного дискурса через обращение именно к морали и религии. Так, Батлер говорила о том, что она верит в исцеление с помощью веры и молитвы (Summers 1999: 7), а Кристабель Панкхерст писала, что «даже если исцеление от венерических заболеваний возможно в физиологическом смысле, то в моральном оно невозможно» (Pankhurst 1913: 4). Из их рассуждений следовало, что нужно делать акцент на превенции самой возможности заболевания, то есть бороться с институтом коммерческого секса и порождающими его причинами – мужской порочностью и половой распущенностью. Кроме

¹ Аболиционизмом называют движение как против государственной регуляции коммерческого секса, так и против него самого, начавшееся во Англии во второй половине XIX (Ripa 2016). Современных сторонниц этих идей иногда называют неоаболиционистками (Doezema 1999).

того, многие активистки женского движения, включая Батлер, Найтингейл и Панкхерст, ставили под сомнение циркулировавшие тогда медицинские теории происхождения сифилиса и поддерживали антивакционистское движение (Summers 1999: 7). Вместо медицины они отдавали предпочтение морально-религиозным трактовкам заболевания.

Батлер и другие феминистки также предлагали заменить регуляцию коммерческого секса, легитимирующую грех и мужскую порочность, на единый для обоих полов моральный стандарт в области сексуальности, в центре которого находилась семья и брачное ложе с ореолом взаимной любви (Summers 2006; Valverde 1988). По словам Панкхерст, «сексуальный акт, в котором отсутствует связь любви и духовной симпатии, – ниже человеческого достоинства» (Pankhurst 1913: 25). И если женщины способны контролировать свои половые инстинкты, то почему бы того же самого не делать и мужчинам? Иными словами, если буржуазная мораль ограничивала исключительно женскую сексуальность, то феминистская буржуазная мораль возводила сексуальное ограничение в универсальный, не зависящий от гендера, принцип.

Для того чтобы трансформировать мужскую сексуальность соответствующим образом, предлагалось усилить роль матерей в образовании и воспитании мальчиков, задействовать общественные институты в критике «распутного и аморального поведения» и, самое главное, предоставить женщинам право голоса. Как писала Панкхерст, «действительное исцеление от этой великой чумы [проституции] имеет двоякий характер – право голоса для женщин..., и воздержание для мужчин» (Pankhurst 1913: 37). Мужская политика, считали аболиционистки, слишком коррумпирована и предвзята, чтобы действительно положить конец этому великому «общественному злу». Именно поэтому участие женщин в политике и их присутствие в публичной сфере должно послужить моральному очищению нации и империи (см. Burton 1994; Laite 2007; Legg 2010).

«Белое рабство» и глобализация викторианского феминизма

Для женщин из рабочего класса коммерческий секс был не столько этической, сколько экономической проблемой. По меткому выражению Лори Бернстин, для них секс-услуги не столько следствие бедности, сколько инструмент ее преодоления (Bernstein 1995: 139; см. также Walkowitz 1980). Однако перспектива занимающихся коммерческим сексом представительниц рабочего класса игнорировалась или искажалась аболиционистками, большинство из которых были из среднего и высшего классов (Agustin 2005; Walkowitz 1982), что хорошо видно на примере дискурса о *white slavery* («белом рабстве»).

Метафора белого рабства активно использовалась в британском и американском рабочем движении в начале XIX в. для описания и критики

низких зарплат, тяжелых условий труда и социального неравенства (Keige 2001). Связка с коммерческим сексом впервые появилась, по-видимому, в письме Виктора Гюго Джозефине Батлер, в котором он писал, что в то время, как «рабство черных женщин отменено в Америке, рабство белых женщин продолжается в Европе» (Butler 1910: 13). Под рабством белых женщин Гюго подразумевал именно обязательные медицинские проверки и принудительную госпитализацию занимающихся оказанием сексуальных услуг женщин. Тем не менее в дальнейшем в аболиционистском дискурсе *white slavery* стало использоваться в более широком значении, обозначая не только медицинские проверки, но сферу коммерческого секса в целом (De Vries 2008). Изначально присутствовавший в метафоре аспект критики неравенства, порождаемого капитализмом, был утрачен (Keige 2001).

История успеха дискурса о «белых рабынях» в Британии начинается с публикации статьи журналиста Уильяма Стида «Современный Вавилон собирает дань девственницами» (Стид 2019) в 1885 г. Идея статьи была предложена Стиду самой Батлер (Irwin 1996). В статье утверждалось, что большинство женщин, занимающихся коммерческим сексом, попадают в эту сферу не по своей воле, а в результате обмана и насилия. Для расследования Стид обратился к сводницам, через которых он попытался купить услуги нескольких юных девственниц. Журналист приводит показательный диалог с одной из девушек:

Вот какой между нами произошел разговор: «Смотри, если тебя совратят, ты получишь два фунта, но потеряешь невинность. Ты совершишь грех, лишишься доброго имени и можешь понести ребенка, на которого будет уходить все твоё жалование. А если ты откажешься, я дам тебе один фунт; что скажешь?» – «Прошу вас, сэр, пусть меня совратят». – «Пройти через боль, грех, позор и опасность погибнуть и закончить свои дни на улице – и все это ради одного лишнего фунта?» – «Да, сэр. Мы так бедны!» (Стид 2019)

Несмотря на то, что девушки, нуждаясь в деньгах, были готовы «продать свою невинность», Стид изображает их только как жертв, не способных по-настоящему оценить и понять ситуацию, в которой они находятся, и подвергающихся манипуляции со стороны сводниц. Журналист не просто отвергает перспективу девушек как наивную, но и выставляет собственную буржуазно-христианскую мораль в качестве универсальной и истинной. Властная позиция Стида как эксперта в делах «греха», «позора», «чести» и «невинности» выстраивается за счет отрицания значения того, что говорят его собеседницы. В статье девушки превращаются в объект описания, собственные слова которых показывают лишь их моральную и интеллектуальную некомпетентность и потому нуждаются в дополнительной интерпретации, основанной на гегемонных буржуазных представлениях о сексуальности и благочестии.

Публикация Стида имела огромный успех – тираж *Pall Mall Gazette* со статьёй о «современном Вавилоне» раскуплен моментально. В лондонском

Гайд-парке собралась толпа в 250 тысяч, возмущенных описанным Стидом бесчинством. Перед собравшимися выступала как Джозефина Батлер, так и различные религиозные деятели (Walkowitz 1982). Результатом публикации и последовавшей общественной реакции стала трансформация образа женщины, занимающейся коммерческим сексом. Фигура грубой и опасной пролетарки, самостоятельно нарушающей общественные нормы, отошла на второй план, а центральное место было отведено для образа невинной, порядочной девушки, «белой рабыни», которая попала в сферу коммерческого секса не по своей воле, а в результате принуждения, насилия и обмана (Keire 2001).

После моральной паники, вызванной публикацией материалов Стида, CDA были отменены, и в том же 1885 г. приняты поправки к уголовному закону (*Criminal Law Amendment Act*), поднявшие возраст согласия с 13 до 16 лет, содержавшие специальные статьи за привлечение несовершеннолетних к занятию коммерческим сексом, криминализовавшие деятельность борделей и расширившие случаи уголовной ответственности за мужскую гомосексуальность (Irwin 1996; Walkowitz 1982: 85). Эти поправки дали полицейским больше полномочий для контроля за женщинами и девушками из рабочего класса (Augustine 2005; Laite 2007).

Большинство современных исследовательниц и исследователей дискурса о *white slavery* отмечают, что несмотря на действительное существование самой проблемы, она была сильно преувеличена, а для ее подтверждения зачастую использовались выдуманные или искаженные истории – тренд, заданный публикациями Стида (см. Doezema 2010; Irwin 1996; Walkowitz 1982). Нет оснований считать, что большинство женщин, занимавшихся коммерческим сексом, действительно были жертвами рабства. Но в сконструированном аболиционистками дискурсе коммерческий секс определялся через соотношение с нормативными категориями семьи, любви, брака и греха. Секс-услуги продолжали трактоваться как отклонение и порок, а их экономическая и классовая составляющая отодвигалась на второй план морализаторскими рассуждениями. Сами женщины, занимающиеся коммерческим сексом, рассматривались исключительно как пассивные жертвы мужской порочности и тяжелых жизненных обстоятельств, лишены возможности участия в процессе производства репрезентаций самих себя (De Vries 2008; Doezema 2010).

Стоит отметить, что идея «белого рабства» в упомянутом выше письме Гюго строилась вокруг расового различия. В социальной иерархии того времени, основанной на сочетании классовых, гендерных и расово-этнических измерений, страдания белых женщин были важнее страданий небелых женщин и мужчин в силу (якобы) более «чистой» природы «белых рабынь». Аболиционист и соратник Батлер Альфред Дайер писал, что похищение английской девушки «неизмеримо более жестоко и отвратительно, чем рабство черных», так как первое представляло собой «рабство не для труда,

а для похоти; и более трусливо чем рабство черных», поскольку его жертвами становятся наиболее «юные и беззащитные представительницы одного пола» (цит. по Irwin 1996). Как пишет Анн Ирвин, подобные суждения

приносили человечность и игнорировали сексуальную эксплуатацию не-белых женщин, так как они принадлежали к моральному универсуму, в котором дурное обращение с белой женщиной представлялось злом гораздо более ужасным, чем пожизненное рабство черных (Irwin 1996).

В колониальном аспекте метафора *white slavery* также служила для того, чтобы объяснить тревожную для метрополий проблему межрасовых сексуальных отношений, в том числе коммерческого секса. Как поясняет Джо Дузема, внутри евроцентричной, расистской парадигмы для многих британцев

было немисливо, чтобы их соотечественницы соглашались заниматься торговлей сексуальными услугами с расово иными мужчинами. Предполагалось, что эти женщины должны были быть обмануты или иным образом виктимизированы. Поэтому европейских женщин в иностранных борделях воспринимали как «белых рабынь», а не как обычных проституток (Doezema 1999: 29).

Другим словами, дискурс «белого рабства» позволял описать тревожащую расистское, колониальное сознание ситуацию межрасового коммерческого секса как насилие со стороны небелых клиентов и работодателей по отношению к невинной белой женщине, жертве, полностью лишенной агентности, и, тем самым, восстановить моральную иерархию рас (Stoler 1989). Риторика *white slavery* была сконструирована одновременно вдоль линий гендерных, классовых и расовых/колониальных отношений власти. Лишая женщин, занимающихся коммерческим сексом, агентности, этот дискурс исключал их голоса, превращая в объекты осуществления проектов заботы и спасения со стороны государства, благотворительных и феминистских обществ (Agustin 2005; Mort 2000). И, несмотря на некоторые улучшения, принесенные кампаниями против СДА и «белого рабства», большинство исследований сходится на том, что в целом они имели негативное влияние на положение женщин, вовлеченных в коммерческий секс, воспроизводя их стигматизацию.

Стоит отдельно отметить, что моральная паника по поводу *white slavery* довольно быстро приняла международный характер, распространившись по всему миру (Mort 2000; Stauter-Halsted 2009), в том числе достигнув границ Российской империи (Bernstein 1995; Громова 2015; Юкина 2007: Гл. III). В 1899 г. в Лондоне состоялся первый Международный Конгресс, посвященный проблеме торговли белыми рабынями *International Congress on the White Slave Trade* (Allain 2017: 3). А уже в 1904 г. 28-ю странами, включая Российскую империю, была подписана *The International Convention for the Suppression of White Slave Traffic*, согласно

которой стороны обязались уделять особенное внимание женщинам-мигранткам из других стран, следить за вокзалами, портами и прочими транспортными узлами для выявления жертв «белого рабства». Государства получили право высылать женщин-мигранток, как и право требовать возврата своих гражданок. Этот договор ратифицирован в 1910 г. уже 41 государством (Allain 2017: 3). В 1949 г. Генеральной Ассамблеей ООН принята «Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами», содержание которой практически повторяет Конвенцию 1904 г., а в заголовке просто заменяется расистское *white slave traffic* на более нейтральную формулировку *traffic in persons*. В преамбуле этого документа воспроизводится аболиционистская диспозиция и утверждается, что «проституция и сопровождающее ее зло, каковым является торговля людьми, преследующая цели проституции, несовместимы с достоинством и ценностью человеческой личности и угрожают благосостоянию человека, семьи и общества» (ООН 1949). В первом параграфе отменяется разграничение между добровольной и недобровольной проституцией. Во многом именно благодаря этим международным документам аболиционистская парадигма в несколько трансформированном виде дожила до наших дней и стала основанием современных неоаболиционистских феминистских кампаний против коммерческого секса (Doezema 1999).

Заключение

Борьба аболиционисток с государственной регуляцией коммерческого секса и позднее с *white slavery* имела значительные последствия, эхо которых присутствует и в современных дискуссиях. Разработанный тогда феминистками дискурс помог избавиться от отношения к женщинам, вовлеченным в коммерческий секс, как к опасным и девиантным. Однако, сконструировав фигуру «падшей женщины» как пассивной жертвы, рабыни, лишенной агентности и нуждающейся в освобождении, феминистский дискурс перевел занимающихся секс-услугами женщин под юрисдикцию патерналистской «заботящейся» власти, которая необязательно была менее репрессивной (см. Van Drenth, de Naan 2000). С конца XIX в. под влиянием аболиционистской критики и моральной паники вокруг *white slavery*, коммерческий секс начал выводиться из правовой сферы в Европе, но продолжал существовать как сфера нелегальных услуг. Стремление спасти невинных жертв обернулось их большей стигматизацией и маргинализацией.

Вместе с тем вовлечение феминисток в полемику вокруг коммерческого секса позволило им артикулировать и легитимировать другие вопросы женского движения, в том числе необходимость избирательного права для женщин и их участия в публичной сфере. Последнее позиционировалось как ключевой элемент решения проблемы «торговли грехом» и морального очищения общества и человеческой расы в целом (Pankhurst

1913). В то же время задействованный викторианскими феминистками морально-религиозный дискурс лишь укрепил гендерную стратификацию, конструируя универсальную женственность вокруг нормативных представлений о семье и материнстве. В итоге, парадоксальным образом, феминистская критика гендеризированных отношений власти, исключая женщин из публичной сферы, привела к гораздо более прочной и универсальной сборке дихотомии полов, а атака на двойной стандарт в области сексуальности – к росту значимости и нормативности брака и семьи. Но если право голоса и легитимация женщин в политике были достигнуты, то голоса женщин, занимающихся коммерческим сексом, напротив, остались не услышанными.

Список источников

- Громова А. (2015) Освещение проблемы проституции в отечественных женских журналах начала XX в. *Вестник Ленинградского государственного университета*, 4 (3): 70–82.
- Жайворонок Д. (2018) Тревожность, перевод и мечта об общем языке: зачем феминистки обсуждают коммерческий секс. *Социология власти*, 30 (1): 33–59.
- ООН (1949) *Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами*. Доступно по ссылке: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/trafficking_suppression.shtml (дата обращения: 28 февраля 2020).
- Стид У. (2019) *Современный Вавилон собирает дань девственницами*. Доступно по ссылке: <https://gorky.media/fragments/sovremennyy-vavilon-sobiraet-dan-devstvennitsami/> (дата обращения: 4 июля 2019).
- Юкина И. (2007) *Русский феминизм как вызов современности*. СПб: Алетейя.
- Agustin L. (2005) Helping Women Who Sell Sex: The Construction of Benevolent Identities. *Rhizomes*, (10). Available at: <http://www.rhizomes.net/issue10/agustin.htm> (accessed 13 April 2019).
- Allain J. (2017) White Slave Traffic in International Law. *Journal of Trafficking and Human Exploitation*, 1 (1): 1–40.
- Bernstein L. (1995) *Sonia's Daughters: Prostitutes and Their Regulation in Imperial Russia*. Berkeley: University of California Press.
- Burton A. (1990) The White Women's Burden: British Feminists and The Indian Woman, 1865–1915. *Women's Studies International Forum*, 13 (4): 293–308.
- Burton A. (1994) *Burdens of History: British Feminists, Indian Women, and Imperial Culture, 1865–1915*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Butler J. (1910) *Personal Reminiscences of a Great Crusade*. London: Horace, Marshall & Son.
- Corbin A. (1986) Commercial Sexuality in Nineteenth-Century France: A System of Images and Regulations. *Representations*, (14): 209–219.
- Doezema J. (1999) Loose Women or Lost Women?: The Re-emergence of the Myth of White Slavery in Contemporary Discourses of Trafficking in Women. *Gender Issues*, 18 (1): 23–50.
- Doezema J. (2010) *Sex Slaves and Discourse Masters: The Construction of Trafficking*. London: Zed Books.
- Eltis S. (2013) *Acts of Desire: Women and Sex on Stage 1800–1930*. Oxford: Oxford University Press.

- Haraway D. (1992) The Promises of Monsters: A Regenerative Politics for Inappropriate/d Others. In: L. Grosberg, C. Nelson, P. Treichler (eds.) *Cultural Studies*. New York: Routledge: 295–337.
- Irwin M. (1996) 'White Slavery' as Metaphor Anatomy of a Moral Panic. *Ex Post Facto: The History Journal*, Volume V. Available at: <http://www.walnet.org/csis/papers/irwin-wslavery.html> (accessed 13 апреля 2019).
- Keire M. (2001) The Vice Trust: A Reinterpretation of the White Slavery Scare in the United States, 1907–1917. *Journal of Social History*, 35 (1): 5–41.
- Kondakov, A., Zhaivoronok, D. (2018) Re-assembling the Feminist War Machine: State, Feminisms and Sex Workers in Russia. In: S. Dewey, I. Crowhurst, C. Izugbara (eds.). *Routledge International Handbook of Sex Industry Research*. London: Routledge: 250–262.
- Laité J. (2007) Between Scylla and Charybdis: Women's Labour Migration and Sex Trafficking in the Early Twentieth Century. *International Review of Social History*, 62 (1): 37–65.
- Legg S. (2010) An Intimate and Imperial Feminism: Meliscent Shephard and the Regulation of Prostitution in Colonial India. *Environment and Planning D: Society and Space*, 28 (1): 68–94.
- Mort F. (2000) *Dangerous Sexualities: Medico-moral Politics in England Since 1830*. New York: Routledge.
- Ogborn M. (1993) Law and Discipline in Nineteenth Century English State Formation: The Contagious Diseases Acts of 1864, 1866 and 1869. *Journal of Historical Sociology*, 6 (1): 28–55.
- Pankhurst C. (1913) *The Great Scourge and How to End it*. Available at: <https://archive.org/details/b28093318/page/n9> (accessed 22 June 2019).
- Ripa Y. (2016) Abolitionism. *Encyclopédie pour une histoire nouvelle de l'Europe*. Available at: <http://ehne.fr/en/node/791> (accessed 28 February 2020).
- Schwartz L. (2010) Freethought, Free Love and Feminism: Secularist Debates on Marriage and Sexual Morality, England c. 1850–1885. *Women's History Review*, 19 (5): 775–793.
- Smith F. (1971) Ethics and Disease in the Later Nineteenth Century: The Contagious Diseases Acts. *Historical Studies*, 15 (57): 118–135.
- Stauter-Halsted K. (2009) Moral Panic and the Prostitute in Partitioned Poland: Middle-Class Respectability in Defense of the Modern Nation. *Slavic Review*, 68 (3): 557–581.
- Stoler A. (1989) Making Empire Respectable: The Politics of Race and Sexual Morality in the 20th-Century Colonial Cultures. *American Ethnologist*, 16 (4): 634–660.
- Summers A. (1999) The Constitution Violated: the Female Body and the Female Subject in the Campaigns of Josephine Butler. *History Workshop Journal*, (48): 1–16.
- Summers A. (2006) Which Women? What Europe? Josephine Butler and the International Abolitionist Federation. *History Workshop Journal*, 62 (1): 214–231.
- Svanström Y. (2005) Through the Prism of Prostitution: Conceptions of Women and Sexuality in Sweden at Two Fins-de-Siècle. *NORA – Nordic Journal of Feminist and Gender Research*, 13 (1): 48–58.
- Valverde M. (1988) A Passion for Purity. *The Women's Review of Books*, 5 (4): 6–7.
- Van Drenth A., de Haan F. (2000) *The Rise of Caring Power. Elisabeth Fry and Josephine Butler in Britain and the Netherlands*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Walkowitz J. (1980) *Prostitution and Victorian Society: Women, Class and the State*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Walkowitz J. (1982) Male Vice and Feminist Virtue: Feminist and the Politics of Prostitution in Nineteenth-Century Britain. *History Workshop Journal*, (13): 79–93.

VICTORIAN FEMINIST INTERVENTIONS IN COMMERCIAL SEX IN THE MIDDLE OF THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURIES

This essay offers a conceptualized overview of contemporary research on the political and discursive interventions of British 'first wave' feminists into the field of commercial sex regulations. Contemporary researchers have solid grounds to argue that the fight against the state regulation of brothels (and, later, against white slavery) had a significant impact on the development of the feminist project. In particular, the problematization of commercial sex helped to mobilize new supporters and provided an opportunity to articulate and legitimize other goals of the feminist movement (the right to vote, the re-evaluation of the role of women in the public sphere, the fight against 'sexual' double standards). At the same time, Victorian feminist discourses about commercial sex had a number of negative effects. Commercial sex continued to be seen as opposed to marriage and, therefore, sinful and deviant, while women engaged in it remained excluded from discursive production and political decision-making. As a result, laws criminalizing commercial sex were adopted in Britain, which only strengthened control over the sexuality of working-class women. Thus, an analysis of contemporary research allows us to view feminist policies on commercial sex as a historical and political assemblage that emerges and develops at the intersection of different forces, desires and discourses. The limitations of the early feminist project, in particular the reproduction of class hierarchies and the stigmatization of women who engage in commercial sex, have become apparent. The resulting discourse is a more complex and multifaceted picture of the 'first wave,' in which resistance and power relations are intertwined, creating new opportunities for freedom and new inequalities.

Key words: feminism, commercial sex, family, class, abolitionism, colonialism

DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-1-37-52

References

Agustin L. (2005) Helping Women Who Sell Sex: The Construction of Benevolent Identities. *Rhizomes*, 10. Available at: <http://www.rhizomes.net/issue10/agustin.htm> (accessed 13 April 2019).

Allain J. (2017) White Slave Traffic in International Law. *Journal of Trafficking and Human Exploitation*, 1 (1): 1–40.

- Bernstein L. (1995) *Sonia's Daughters: Prostitutes and Their Regulation in Imperial Russia*. Berkeley: University of California Press.
- Burton A. (1990) The White Women's Burden: British Feminists and The Indian Woman, 1865–1915. *Women's Studies International Forum*, 13 (4): 293–308.
- Burton A. (1994) *Burdens of History: British Feminists, Indian Women, and Imperial Culture, 1865–1915*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Butler J. (1910) *Personal Reminiscences of a Great Crusade*. London: Horace, Marshall & Son.
- De Vries P. (2008) Josephine Butler and the Making of Feminism: International Abolitionism in the Netherlands (1870–1914). *Women's History Review*, 17 (2): 257–277.
- Doezema J. (1999) Loose Women or Lost Women?: The Re-emergence of the Myth of White Slavery in Contemporary Discourses of Trafficking in Women. *Gender Issues*, 18 (1): 23–50.
- Doezema J. (2010) *Sex Slaves and Discourse Masters: The Construction of Trafficking*. London: Zed Books
- Eltis S. (2013) *Acts of Desire: Women and Sex on Stage 1800–1930*. Oxford: Oxford University Press.
- Gromova A. (2015) Osveshchenie problem prostitutsii v otechestvennykh zhenskikh zhurnalakh nachala XXv [Coverage of the Issue of Prostitution in Russian Women's Journals of the Early 20th Century]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Leningrad State University], 4 (3): 70–82.
- Haraway D. (1992) The Promises of Monsters: A Regenerative Politics for Inappropriate/d Others. In: L. Grosberg, C. Nelson, P. Treichler (eds.) *Cultural Studies*. New York: Routledge: 295–337.
- Irwin M. (1996) 'White Slavery' as Metaphor: Anatomy of a Moral Panic. *Ex Post Facto: The History Journal*, V. Available at: <http://www.walnet.org/csis/papers/irwin-wslavery.html> (accessed 13 April 2019).
- Keire M. (2001) The Vice Trust: A Reinterpretation of the White Slavery Scare in the United States, 1907–1917. *Journal of Social History*, 35 (1): 5–41.
- Kondakov, A., Zhaivoronok, D. (2018) Re-assembling the Feminist War Machine: State, Feminisms and Sex Workers in Russia. In: S. Dewey, I. Crowhurst, C. Izugbara (eds.) *Routledge International Handbook of Sex Industry Research*. London: Routledge: 250–262.
- Laité J. (2017) Between Scylla and Charybdis: Women's Labour Migration and Sex Trafficking in the Early Twentieth Century. *International Review of Social History*, 62 (1): 37–65.
- Legg S. (2010) An Intimate and Imperial Feminism: Meliscent Shephard and the Regulation of Prostitution in Colonial India. *Environment and Planning D: Society and Space*, 28 (1): 68–94.
- Mort F. (2000) *Dangerous Sexualities: Medico-moral Politics in England Since 1830*. London: Routledge.
- Ogborn M. (1993) Law and Discipline in Nineteenth Century English State Formation: The Contagious Diseases Acts of 1864, 1866 and 1869. *Journal of Historical Sociology*, 6 (1): 28–55.
- Pankhurst C. (1913) *The Great Scourge and how to End it*. Available at: <https://archive.org/details/b28093318/page/n9> (accessed 22 June 2019).

- Ripa Y. (2016) Abolitionism. *Encyclopédie pour une histoire nouvelle de l'Europe*. Available at: <http://ehne.fr/en/node/791> (accessed 28 February 2020).
- Schwartz L. (2010) Freethought, Free Love and Feminism: Secularist Debates on Marriage and Sexual Morality, England c. 1850–1885. *Women's History Review*, 19 (5): 775–793.
- Smith F. (1971) Ethics and Disease in the Later Nineteenth Century: The Contagious Diseases Acts. *Historical Studies*, 15 (57): 118–135.
- Stauter-Halsted K. (2009) Moral Panic and the Prostitute in Partitioned Poland: Middle-Class Respectability in Defense of the Modern Nation. *Slavic Review*, 68 (3): 557–581.
- Stead W. (2019) *The Maiden Tribute of Modern Babylon*. Available at: <https://goriky.media/fragments/sovremennyj-vavilon-sobraet-dan-devstvennitsami/> (accessed 4 July 2019).
- Stoler A. (1989) Making Empire Respectable: The Politics of Race and Sexual Morality in the 20th-Century Colonial Cultures. *American Ethnologist*, 16 (4): 634–660.
- Summers A. (1999) The Constitution Violated: The Female Body and the Female Subject in the Campaigns of Josephine Butler. *History Workshop Journal*, (48): 1–16.
- Summers A. (2006) Which Women? What Europe? Josephine Butler and the International Abolitionist Federation. *History Workshop Journal*, 62 (1): 214–231.
- Svanström Y. (2005) Through the Prism of Prostitution: Conceptions of Women and Sexuality in Sweden at Two Fins-de-Siècle. *NORA – Nordic Journal of Feminist and Gender Research*, 13 (1): 48–58.
- UN (1949) *The Convention for the Suppression of the Traffic in Persons and of the Exploitation of the Prostitution of Others*. Accessible at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/trafficking_suppression.shtml (accessed 28 February 2020).
- Valverde M. (1988) A Passion for Purity. *The Women's Review of Books*, 5 (4): 6–7.
- Van Drenth A., de Haan F. (2000) *The Rise of Caring Power. Elisabeth Fry and Josephine Butler in Britain and the Netherlands*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Walkowitz J. (1980) *Prostitution and Victorian Society: Women, Class and the State*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Walkowitz J. (1982) Male Vice and Feminist Virtue: Feminist and the Politics of Prostitution in Nineteenth-Century Britain. *History Workshop Journal*, (13): 79–93.
- Yukina I. (2007) *Russkiy feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian Feminism as a Challenge of Modernity]. St. Petersburg: Aleteyya.
- Zhaivoronok D. (2018) Trevozhnost', perevod i mechta ob obshhem jazyke: zachem feministki obsuzhdajut kommercheskij seks [Anxiety, Translation and the Dream of a Common Language: On Feminists' Discussion of Commercial Sex]. *Sociology of Power*, 30 (1): 33–59.